

Золя Эмиль

Наводнение

Эмиль Золя

Наводнение

Перевод М. Дмитриевой

Меня зовут Луи Рубье. Мне семьдесят лет. Родина моя - деревня Сен-Жори, в нескольких лье от Тулузы, в верхнем течении Гаронны. Четырнадцать лет я бился как рыба об лед, жил в нужде на своем клочке земли, наконец пришло довольство, и всего лишь месяц назад я был еще самым зажиточным фермером во всем кантоне.

Наш дом казался благословенным. В нем поселилось и росло счастье: солнце было нам другом, и я не знал плохого урожая. В те счастливые времена на ферме нас было около дюжины. Я был еще молодцом для своих лет и трудился, показывая пример детям; с нами жили мой младший брат Пьер, старый холостяк, отставной сержант; затем моя сестра Агата, нашедшая у нас приют после смерти мужа, бедовая женщина, рослая, дородная и веселая, - засмеется, бывало, так на другом конце деревни услышишь ее смех. Теперь надо перечислить всех младших жителей нашего гнезда: мой сын Жак, его жена Роза и три их дочерей Эмэ, Вероника и Мария; Сиприен Буиссон - муж Эмэ, большой весельчак, - у этой пары уже было двое малышей, одному два года, а второму всего десять месяцев; Веронику совсем недавно просватали за Гаспара Рабюто, и скоро должна была состояться их свадьба; и, наконец, третья дочь - Мария, беленькая, светловолосая, ну просто городская барышня. Значит, всех нас было десять человек. А я был дедушкой и прадедушкой. Когда мы усаживались за стол сестра Агата обычно сидела по правую руку от меня, брат Пьер - по левую, дети рассаживались по старшинству, так что ряд голов все понижался, и завершал его десятимесячный младенец, который тоже получал свою мисочку супа. Поверьте, птенцы наши ели усердно, только подливай им да подкладывай! А какое заразительное веселье в передышках между едой! Как я гордился и радовался, когда внучата протягивали ко мне руки и кричали:

- Дедушка, дай хлебца!.. Большой-пребольшой кусок!

Счастливые дни! В рабочее время отовсюду на ферме доносились песни. По вечерам, бывало, Пьер выдумывал игры, рассказывал разные истории о своих однополчанах. По воскресеньям тетя Агата пекла сдобные лепешки для наших девочек. Пели у нас и священные песни, и тут уж отличалась Мария: она пела протяжно, как певчие в церковном хоре; сидит, сложивши руки на коленях, волосы распущены по плечам, и такая вся светлая - похожа на святую. Когда Эмэ вышла замуж за Сиприена, я решил, надстроить над домом еще один этаж и все шутил, смеялся: вот, говорю, выдадим Веронику за Гаспара - еще придется строить, а там, глядишь, и малыши подросли - пойдут у нас свадьбы, каждой парочке будем надстраивать по этажу, и вырастет наш дом до самого неба. Мы не хотели расставаться, - чего там, давайте выстроим целый город на нашей усадьбе! Если в семье дружба и согласие, хорошо жить и умереть там, где ты вырос.

Май месяц выдался на редкость погожий. Выходы были хороши, мы ждали богатого урожая. Как раз в этот день я отправился в обход со своим сыном Жаком. Мы вышли из дому в третьем часу дня. Поглядели на наши луга по берегу Гаронны - трава была нежно-зеленого цвета и высоко поднялась, скоро и косить надо; ивняк, что посадили в прошлом году, подрос уже на целый метр. Потом осмотрели мы посевы хлеба и виноградники, обошли все полоски земли, которые приобретали одну за другой, по мере того как приходил достаток; хлеба росли густо,

лозы цвели, обещая великолепный сбор винограда. И Жак добродушие смеялся, похлопывая меня по плечу.

- Ну что ж, папаша, значит, не будем больше нуждаться ни в хлебе, ни в вине. Вы, верно, столкнулись с господом богом и он распорядился, чтобы выпал серебряный дождь на ваши земли?

Мы частенько шутили, вспоминали нашу прошлую нужду. Жак был прав: должно быть, я угодил на небе какому-нибудь святому, а то, может, и самому богу, - решительно все складывалось для меня хорошо. Когда выпадал град, он прекращался как раз там, где начинались наши посеы. Если заболели грибком соседние виноградники, похоже было, что наши лозы защищены какой-то невидимой стеной. Под конец это стало казаться мне справедливым, - ведь я никому не причинял зла, стало быть, и счастье получил по справедливости.

На обратном пути мы обошли принадлежавшие нам участки, расположенные на другой стороне села. Насаждения шелковицы хорошо принимались. В полном цвету было и миндальное дерево. Мы беспечно беседовали, строили различные планы. Когда у нас появятся деньги, мы прикупим еще земли, объединим разрозненные части усадьбы и станем здесь полными хозяевами. Если урожай этого года оправдает наши надежды, то мы сможем осуществить свою мечту.

Мы подходим к усадьбе; Роза, увидев нас издали, начала жестами звать нас и кричать:

- Идите скорее!

Оказалось, что одна из коров отелилась. Это событие подняло у всех настроение. Тетя Агата, несмотря на свою толщину, быстро носилась по дому. Девушки присматривали за малышом. Рождение теленка казалось еще одной доброй приметой. Совсем недавно мы вынуждены были расширить стойла, в которых находилось, не считая лошадей, больше сотни коров и овец.

- Славный выдался денек! - закричал я. - Нынче вечером мы разопьем бутылку подогретого вина.

Дома Роза отвела нас в сторону и сказала, что пришел Гаспар, жених Вероники, условиться о дне свадьбы. Она его задержала и пригласила отобедать с нами. Гаспар был старшим сыном фермера из деревни Моранж. Этот двадцатилетний парень славился по всей округе необыкновенной силой; однажды на празднике в Тулузе он победил Мартиали, местного льва. Такой был добрый малый, золотое сердце, и застенчивый, как девушка; поглядит на Веронику и зальется румянцем, а она, плутовка, смотрит на него, посмеивается.

Я попросил Розу позвать Гаспара. Он был в конце двора и помогал нашим служанкам развешивать белье после очередной стирки за три месяца. Когда он вошел в столовую, где мы собрались, Жак повернулся ко мне и говорит:

- За вами слово, отец.

- Ты зачем пришел, голубчик? - спросил я. - Хочешь окончательно уговориться о дне свадьбы?

- Да, вот именно, папаша Рубье, - ответил он и весь зарделся.

- Чего ж краснеть, дружок? - продолжал я. - Если хочешь, сыграем свадьбу в день святой Фелиции - десятого июля. Сегодня у нас двадцать третье июня, значит, ждать тебе придется меньше трех недель... Мою жену-покойницу звали Фелицией, справим свадьбу в день ее именин - это принесет вам счастье... Ну, как? Согласен?

- Да, вот именно, в день святой Фелиции, папаша Рубье.

И мы ударили по рукам; Гаспар хлопнул по ладони Жака, а потом по моей, да с такой силой, что мы чуть с ног не свалились. Затем поцеловал Розу, называя ее своей матерью. Этот рослый парень с могучими кулаками так любил Веронику, что его отшибло от еды и питья. Он

признался нам, что заболел бы, если бы ему вдруг ответили отказом.

- Ну, а теперь, - сказал я, - оставайся с нами обедать. Все в сборе? Подавайте на стол! Я голоден как волк!

В тот вечер нас было за столом одиннадцать человек. Гаспара посадили рядом с Вероникой; он все глядел на нее, забывая о еде, и так был взволнован ее близостью, что на глаза у него то и дело навертывались слезы. Сиприен и Эмэ, женатые всего лишь три года, улыбались; Жак и Роза, прожившие совместно двадцать пять лет, держались степенно, но и они обменивались украдкой взглядами, увлажненными слезой, вспоминая свою золотую пору. А про меня и говорить нечего - я как будто снова переживал счастье молодости вместе с двумя влюбленными, которыми любовались все, кто сидел за столом, и какой же вкусный суп мы ели в этот вечер! Тетя Агата, острая на язык, все время подшучивала. Вдруг весельчаку Пьеру захотелось рассказать о своих любовных похождениях с девушкой из Лиона. К счастью, за сладким все говорили одновременно. Я достал из погреба две бутылки вина. Чокнулись, как водится, чтобы жениху с невестой была, удача в жизни, а удача - это значит никогда не ссориться, вырастить много детей и нажать кубышку с деньгами. А потом мы стали петь. Гаспар знал много народных любовных песен. Под конец Марию попросили спеть духовную песню; она встала и запела тонким, приятным голосом - словно флейта.

Мне захотелось подышать у окна свежим воздухом. Вслед за мной подошел к окну и Гаспар.

- Какие новости у вас в деревне? - спросил я его.

- Никаких, - ответил он. - Только вот, говорят, за последние дни в горах выпали большие дожди: люди опасаются, как бы беда не случилась.

И правда, в верховье Гаронны двое с половиной суток непрерывно лил дождь. Со вчерашнего дня вода в реке очень поднялась, но мы надеялись, что все обойдется, раз Гаронна не вышла из берегов. Мы не могли считать нашу реку плохой соседкой - ведь она так хорошо нам служила! А какой ласковой прохладой веяло от ее шири! К тому же крестьянин не покидает своей берлоги, даже если кровля вот-вот рухнет.

- Да ну, ничего не случится! - воскликнул я, пожимая плечами. - Из года в год одно и то же бывает: сначала река выгибает спину, будто разъярилась, а глядишь - за одну ночь успокоилась, вошла в берега и опять смирна, как овечка. Не бойся, дружок, она и на этот раз только позабавится... Смотри, какая хорошая погода!

И я указал рукой на небо. Было семь часов вечера. Солнце клонилось к закату. Ах, какая синева! Все небо ярко-синее, беспредельная чистая лазурь, и в ней солнце напоследок рассеивает золотую пыль. Казалось, по всему простору земли вместе с его лучами разливается тихая радость. Никогда я еще не видел, чтобы так мирно и красиво дремало наше село. На черепицах крыш угасали последние отблески солнца. Слышался смех соседки и голоса детей, игравших на повороте дороги около нашего дома. Издали доносился глухой шум возвращалось с пастбища стадо. Громкий ропот Гаронны не прекращался и даже нарастал, но мне он казался таким же мирным, как и всегда: я привык к вечному шуму реки. Небо мало-помалу тускнело, бледнело, село погружалось в глубокий соя. Вечер был теплый, чудесный, и мне думалось, что все наше счастье: и хорошие урожаи, и достаток, и семейный мир, и помолвка Вероники все это чистым, светлым дождем падает на нас с высокого неба. Благодатный покой нисходил на наш дом вместе с последними лучами заходящего солнца.

Я отошел от окна. Девушки болтали о чем-то своем. Мы с улыбкой слушали их разговор, как вдруг в глубокой деревенской тишине раздался страшный крик - крик, возвещавший о бедствии и смерти:

- Гаронна! Гаронна!

Мы выбежали во двор.

Село Сен-Жори расположено в глубокой котловине, ниже уровня Гаронны почти на пятьсот метров. Ряды высоких тополей, ограждающих луга, совсем скрывают реку.

Мы ничего не увидели, но по-прежнему слышали отчаянный крик:

- Гаронна! Гаронна!

Вдруг на широкой дороге появились двое мужчин и три женщины; одна из них держала на руках ребенка. Они кричали, обезумев от страха, и мчались со всех ног по утрамбованной, твердой земле. Иногда они оглядывались назад с таким страхом, будто за ними гналась стая волков.

- Ну что? Что у них случилось? - спросил Сиприен. - Вы заметили что-нибудь тревожное, дедушка?

- Нет, нет, - сказал я. - Все тихо. Ни один листок не колышется.

И действительно, низкая линия горизонта безмятежно спала. Но едва я успел произнести успокаивающие слова, как у всех нас вырвался крик ужаса. Позади бежавших людей между стволами деревьев, между кустами мы увидели что-то похожее на стаю серых зверей с желтыми пятнами; они рвались вперед. Но то были не звери, а волны, внезапно появившиеся со всех сторон, волны, набегавшие друг на друга; бесконечные водяные валы неслись с глухим гулом, разбрызгивая белую пену, и сотрясали землю в стремительном натиске.

Тут и мы закричали:

- Гаронна! Гаронна!

Двое мужчин и три женщины стремглав бежали по дороге. Они слышали догонявший их страшный гул. Теперь волны наступали сплошной лавиной, перекатывались и с грохотом обрушивались, совсем как атакующий батальон. Первым натиском они сломали три тополя, высокие стволы рухнули и исчезли. Шалаш из досок сразу затопило, а рядом каменная стена треснула; распряженные тележки подхватило и унесло, как соломинки. Но казалось, что вода преследовала главным образом бежавших людей. На повороте дороги она перехлестнула через отлогий откос, хлынула на обширное пространство и отрезала людям путь к отступлению. Они мчались вперед широкими скачками, обезумев от ужаса, и больше не кричали. Вода уже достигала их колен. Огромная волна накрыла женщину с ребенком. И поглотила все.

- Скорее! Скорее! - кричал я. - Бежим домой... Стены у нас крепкие, нам нечего бояться.

Из осторожности мы тотчас поднялись на второй этаж.

Первыми пропустили девушек. Я заупрямился и согласился подняться только последним. Дом был выстроен на холме, над дорогой. Вода заливала двор не спеша, с тихим плеском. Мы не очень напугались.

- Пустяки! - сказал Жак, чтобы успокоить женщин. - Ничего не случится... Помните, отец, наводнение в пятьдесят пятом году? Вода вот так же залила двор, поднялась на фут, а затем спала.

- А все-таки досадно, повредит урожаю, - пробормотал вполголоса Сиприен.

- Нет, нет, ничего не будет, - сказал я, видя большие умоляющие глаза наших девушек.

Эмэ уложила малышей на свою кровать и села у изголовья, около нее расположились Вероника и Мария. Тетя Агата говорила, что хорошо бы подогреть вино, которое мы прихватили с собой, и выпить по глотку, - вино всем нам прибавит бодрости. Жак и Роза глядели в окно, я стоял у другого окна вместе с братом, Сиприеном и Гаспаром.

- Идите сюда! Идите скорей! - кричал я двум нашим служанкам, которые шлепали по воде посреди двора. - Что вы там мокнете?

- А как же быть со скотиной? - спросили служанки. - Ведь ей страшно: слышите, как она беспокоится в стойлах?

- Ладно, оставьте ее... Поднимайтесь к нам сейчас же. Там видно будет.

Если наводнение усилится, спасти скотину все равно будет невозможно. Но я считал бесполезным пугать домочадцев и старался держаться спокойно. Прислонившись к окну, я разговаривал, мысленно отмечая, как быстро поднимается вода. Река, набросившись на село в неистовом напоре, завладела им вплоть до самых узких улочек. А теперь стремительная атака бушующих волн сменилась медленным и непреодолимым наступлением. Впадина, в которой стояло село, превратилась в озеро. В нашем дворе уровень воды вскоре достиг одного метра. Я видел, как она поднималась, однако утверждал, что она стоит на одном уровне. Я даже пытался говорить, что она спадает.

- Волей-неволей придется тебе заночевать у нас, голубчик, - сказал я Гаспару. - Разве что дороги освободятся через несколько часов... Это вполне возможно.

Он молча посмотрел на меня, лицо у него стало белым как полотно; затем я перехватил его взгляд, устремленный на Веронику, - с какой тоской он смотрел на нее!

Было половина девятого вечера, но день еще не угас; с бледнеющего неба нисходила глубокая печаль. Служанки поднялись к нам, захватив снизу две лампы, - хорошая мысль пришла им. Я распорядился зажечь обе лампы, потому что в комнате, где мы укрылись, уже стало темно, и подумал: при свете будет веселее. Тетя Агата выдвинула стол на середину комнаты и предложила сыграть в карты. Славная женщина старалась поймать мой взгляд, - я понял, что она хочет чем-нибудь развлечь детей. Она крепилась, не теряла бодрости и смеялась, чтобы победить страх, который - она чувствовала это - нарастал вокруг нее. Начали играть в карты. Тетя Агата насильно усадила за стол Эмэ, Веронику и Марию, вложила им в руки карты и всячески старалась показать, что она увлечена игрой: с азартом брала взятки, тасовала, вновь сдавала, острила, спорила, шутила так многословно и шумно, что ее голос почти заглушал плеск воды. Но наши девочки не могли забыть, сидели бледные, крепко сжав руки, и напряженно прислушивались. Игра поминутно прерывалась. То одна, то другая поворачивалась и спрашивала меня вполголоса:

- Дедушка, вода все еще поднимается?

Вода поднималась с ужасающей быстротой. Я подшучивал и отвечал:

- Нет, нет, играйте спокойно. Опасности нет.

Никогда еще мое сердце не сжимала такая тоска. Все мужчины нарочно стали у окон, чтобы скрыть от женщин жуткое зрелище. Мы старались улыбаться, когда поворачивались к сидевшим за картами, они сидели вокруг стола, на который падал такой ласковый и успокаивающий свет лампы. Мне вспомнились зимние вечера, когда мы собирались за этим столом. Казалось, все тот же у нас домашний очаг, все та же теплая близость и взаимная дружба. Здесь царил мир, но я слышал за своей спиной рев разлившейся реки, вода поднималась все выше и выше.

- Луи, - тихо сказал мне мой брат, - вода всего в трех футах от окна. Надо принять меры.

Я сжал ему плечо: молчи! Однако скрывать опасность было уже невозможно. В стойлах гибла скотина. Мы услышали блеяние овец и мычание обезумевших коров; на конюшне протяжно и хрипло ржали лошади, - такое ржание разносится далеко и всегда говорит о смертельной опасности, угрожающей животным.

- Боже мой! Боже мой! - простионала Эмэ, она поднялась со стула и сжала голову руками, дрожа, как в ознобе.

Все встали, и уже никому нельзя было помешать подбежать к окнам. Женщины застыли, молча глядя на то, что открылось их глазам; от ужаса у них зашевелились волосы на голове. Наступили сумерки. На колыхавшейся мутной шири дрожал обманчивый свет. Бледное небо казалось свинцовым покровом, распростертым над землей. Вдали поднимались клубы дыма. Все смешалось, конец ужасного дня переходил в ночь смерти. И ни единого звука человеческого

голоса, только рокот воды, разлившейся безбрежным морем, да ржание лошадей и мычание гибнущих коров!

- Боже мой! Боже мой! - вполголоса повторяли женщины, словно они боялись говорить громко.

Страшный треск заставил их умолкнуть: животные, рассвирепев, выломали двери хлева и конюшни, ринулись в желтые пенящиеся волны, и стремительный поток подхватил и унес их. Овцы плыли, кружась в водоворотках, как сухие опавшие листья. Коровы и лошади еще боролись, но вскоре и они теряла почву под ногами. Особенно не хотел умирать наш большой серый конь: он становился на дыбы, вытягивал шею, дышал шумно, как кузнечные мехи; но разъяренные воды схватили его, опрокинули, и конь сдался.

И только тогда мы закричали. Крик подступил к горлу помимо нашей воли. Мы уже не могли сдержать горестных воплей. И, простирая руки к гибнущим, бесценным для нас животным, к нашим кормильцам, мы громко плакали и причитали, не слыша один другого, бросая в темнеющую даль слова отчаяния. Да, пришло разоренье! Погиб урожай, затонул скот - за несколько часов мы лишились всего своего богатства! За что несправедливый бог наслал на нас беду? Мы ему ничего худого не сделали, а он отнял у нас все! Я грозил кулаком небу. Я кричал, что еще нынче днем ходил с сыном на луга, любовался хлебами и виноградниками, земля так много нам обещала. Так неужели все это было обманом? Счастье лгало. Лгало заходившее солнце, такое ласковое и спокойное в вечернем прозрачном небе.

Вода все поднималась. Пьер, следивший за ней, крикнул мне:

- Луи, поостеречься надо! Вода подходит к окну.

Этот предупреждающий крик потрянул с нас оцепенение, вызванное отчаянием. Я пришел в себя и сказал, пожимая плечами:

- Деньги - это ничто. Раз мы все будем вместе, нечего жалеть о том, что пропало... Возьмемся дружно за работу и все поправим.

- Да, да, верно, отец, - подхватил взволнованно Жак. - Нам не угрожает никакая опасность, стены у нашего дома прочные... Мы поднимемся на крышу.

Нам оставалось только это убежище. Вода с упрямым плеском затопляла лестницу ступеньку за ступенькой, переливалась уже через порог. Мы бросились на чердак, держа друг друга за руки, - в минуту грозной опасности особенно сильна потребность во взаимной близости. Сиприен куда-то исчез. Я окликнул его, он вышел из соседней комнаты, лицо у него было взволнованное. И в эту минуту я заметил, что нет обеих наших служанок; я сказал, что подожду их, но Сиприен как-то странно посмотрел на меня и тихо сказал:

- Погибли. Угол пристройки под их комнатой сейчас снесло водой.

Бедные девушки, должно быть, отправились к себе в комнату, чтобы взять свои сбережения, которые они хранили там в сундучках. Сиприен рассказал мне вполголоса, что они перебросили на крышу пристройки лестницу и, как по мостику, перебрались по ней. Я ему посоветовал молчать об этом. Мороз пробежал у меня по спине. Это смерть проникала в наш дом.

Мы поднялись с Сиприеном на чердак, позабыв погасить лампы. На столе остались разбросанные карты. Вода заливала комнату и уже достигла фута высоты над полом.

III

Крыша, к счастью, была широкая, с отлогим скатом. Мы выбрались туда через слуховое окно, над которым было что-то вроде плоской площадки. Она-то и послужила прибежищем для всей нашей семьи. Женщины сели. Мужчины, шагая по черепицам, пошли на разведку и стали осматриваться, ухватившись за дымовые трубы, возвышавшиеся по обеим концам крыши. А я, прижавшись к наличнику слухового окна, через которое мы вылезли на крышу, окидывал взглядом все четыре стороны горизонта.

- Скоро будет помощь, - бодро говорил я. - В Сэнтене у всех есть лодки. Оттуда приедут к нам... Смотрите! Вон там, внизу, что-то светится. Не фонарь ли это на воде?

Но мне никто не отвечал. Пьер, не очень сознавая, что он делает, разжег трубку и курил, так яростно стискивая зубами чубук, что, выпуская дым, всякий раз выплевывал кусочек отгрызенного дерева. Жак и Сиприен угрюмо глядели вдаль, а Гаспар, сжимая кулаки, метался по крыше, как будто искал выхода. У наших ног, сбившись в кучу, молча сидели женщины; они дрожали от холода и закрывали лицо, чтобы не видеть, что происходит. Вдруг Роза подняла голову, огляделась вокруг и спросила:

- А где же служанки? Почему они не поднимаются сюда?

Я уклонился от ответа. Тогда она начала настойчиво спрашивать, устремив на меня пристальный взгляд:

- Где все-таки служанки?

Я отвернулся, потому что не мог солгать. И вдруг я почувствовал, как холод смерти, который уже коснулся меня, повеял и на наших женщин, и на наших дорогих девочек. Они поняли. Мария порывисто встала, громко вздохнула и, снова опустившись на площадку, залилась слезами. Эмэ крепко сжимала в объятиях детей, укутывала их своими юбками, будто старалась защитить их. Вероника закрыла лицо руками и сидела не шевелясь. Ужас охватил даже тетю Агату; бледная, она бормотала "Отче наш" и "Богородицу", широко крестясь.

Между тем зрелище становилось все более великолепным. Все окутал прозрачный летний сумрак ночи. Луна еще не взошла, но в чистом небе сверкало множество ярких звезд, они как будто заполняли все пространство мерцающим голубым светом. Казалось, не ночь это, а сумерки, - таким светлым был горизонт. И под этим ласковым небом все больше ширилось необъятное водное пространство, как бы светившееся собственным светом, - вода словно флуоресцировала, маленькие огоньки загорелись на гребне каждой волны. Землю уже больше нельзя было различить, вся долина была затоплена. На мгновение я забыл об опасности, так я был поражен. Однажды вечером - это было около Марселя - я впервые увидел такие трепещущие огоньки на море и застыл от восхищения, глядя на них.

- Вода поднимается, вода поднимается, - повторил мой брат Пьер, обгрызая мундштук погасшей трубки.

Вода была уже на расстоянии одного метра от крыши. Она утратила свое спокойствие спящей глади. Движение потоков установилось. Менее чем за час вода стала грозной, желтой; она с неистовой силой бросалась на наш дом, неся обломки, бочки с выбитым дном, бревна и вырванные с корнем кусты. Вода наступала, валы с разбегу ударялись о стены, и мы слышали гул от их сотрясения. Кругом с жалобным треском падали тополя, домики обрушивались с таким грохотом, как будто на краю дороги опрокидывали телеги, нагруженные булыжником.

Жак, потрясенный рыданиями женщин, повторял:

- Нельзя же здесь оставаться. Надо что-нибудь придумать... Отец, ради бога, попытаемся что-нибудь сделать.

Я бормотал, повторяя вслед за ним:

- Да, да, надо что-нибудь придумать.

Но мы не знали, что делать. Гаспар задумал взять Веронику к себе на спину и вместе с нею вплавь искать спасения. Пьер предлагал сделать плот. Безумная мысль! Сиприен сказал:

- Если бы только мы могли добраться до церкви!

Церковь еще высилась над водою; мы так ясно видели четырехугольную колокольню. Нас отделяло от нее семь домов. Наш дом, первый от околицы, стоял вплотную с более высоким домом, а тот, в свою очередь, прижимался к соседнему дому. Быть может, по крышам действительно можно достигнуть дома священника? Оттуда легко войти в церковь. Вероятно,

уже много людей нашли в ней убежище, так как соседние крыши были пусты, а голоса людей доносились, безусловно, с колокольни. Но сколько нам предстояло опасностей на пути к убежищу!

- Это невозможно! - сказал Пьер. - У соседа Рембо дом много выше нашего. А у нас нет лестницы.

- Я все-таки попробую, - сказал Сиприен. - Если нельзя пробраться, я вернусь. А может, попытаемся все вместе? Девушек мы бы понесли.

Я его отпустил. Он был прав. Надо было испробовать даже невозможное. При помощи большой железной скобы, вделанной в стенку дымовой трубы, Сиприену удалось взобраться на крышу соседнего дома, как вдруг Эмэ подняла голову и, увидев, что мужа нет рядом, закричала:

- Где он? Зачем он меня покинул? Вместе жили, вместе и умрем!

Увидев мужа на крыше соседнего дома, Эмэ побежала по черепицам, держа на руках своих детей. Она твердила:

- Сиприен, подожди меня. Я пойду с тобой, я хочу умереть вместе с тобой.

Она настаивала на своем. А Сиприен, наклоняясь, умолял жену подождать, уверяя, что сейчас вернется, что это делается для нашего спасения. Но она смотрела на него безумным взглядом и, мотая головой, повторяла:

- Я пойду с тобой, я пойду с тобой. Почему ты не хочешь? Я пойду с тобой.

Он вынужден был взять детей. Затем помог жене подняться. Нам все было видно: сидя на самом высоком месте крыши, мы следили за ними взглядом. Они шли медленно. Эмэ снова взяла на руки плачущих детей, а Сиприен на каждом шагу оглядывался и поддерживал жену.

- Поставь ее в надежное место и возвращайся сейчас же! - кричал я.

Я заметил, как он махнул рукой, но в рокоте бушующей воды не расслышал его ответа. Вскоре они скрылись из виду, спустились на крышу другого дома, пониже первого. Пять минут спустя они появились уже на крыше третьего дома, - она, вероятно, была очень крутая, так как они пробирались на коленях вдоль конька. И вдруг ужас охватил меня. Приложив руки к губам, я начал кричать изо всех сил:

- Вернитесь! Вернитесь!

И все - Пьер, Жак, Гаспар - тоже кричали, чтобы они вернулись. Но наши голоса остановили их только на минуту, - они продолжали двигаться вперед. Они уже находились на повороте улицы, начинавшейся напротив высокого дома Рембо, - он был выше соседних домов не меньше чем на три метра. Одно мгновение они колебались. Затем Сиприен, хватаясь за скобы, вскарабкался с легкостью кошки на дымовую трубу. Эмэ поневоле стала ждать. Она стояла на черепичной кровле, мы хорошо видели ее, она прижимала детей к груди и как будто стала выше ростом; черная ее фигура четко выделялась в звездном небе. Но тут произошло страшное несчастье.

Дом Рембо, первоначально предназначенный под промышленное предприятие, был легкой постройки, к тому же на его фасад обрушивался весь прибой волн, бушевавших на улице. Мне казалось, что дом дрожит от напора воды; от ужаса у меня захватило дыхание, но я не сводил глаз с Сиприена, который пробирался по крыше. Вдруг раздался грохот. Взошла луна, круглая желтая луна, и, поднимаясь в небе, спокойно озарила безбрежное озеро, как лампа освещает жилую комнату. Ни одна подробность катастрофы не ускользнула от нас. Дом Рембо рухнул. У нас вырвался крик ужаса: Сиприен исчез. В этом обвале мы различили только шум бури и всплеск волн под обломками упавшей крыши. Затем наступило спокойствие, уровень воды стал прежним; только на месте поглощенного ею дома в ряду построек зияла черная дыра. Над водой торчали расщепленные половицы, громоздились балки, словно остов полуразрушенного собора. И вот мне показалось, что между этими балками я вижу чье-то живое, шевелящееся тело,

делающее сверхчеловеческие усилия.

- Он жив! - крикнул я. - Благодарение богу, Сиприен жив!.. Глядите, вон он где, его ясно видно над водой, луна так ярко светит!

Мы смеялись нервным смехом. Мы хлопали от радости в ладоши, как будто спаслись сами.

- Он поднимается, - сказал Пьер.

- Да, да, смотрите! - кричал Гаспар. - Вон он старается ухватиться за балку слева.

Но наш смех оборвался. Горло сжал страх, мы больше не обменивались ни единым словом. Мы поняли, в каком ужасном положении находился Сиприен. При обвале ему зажало балками ноги; и, не имея возможности высвободиться, он висел теперь головой вниз, в нескольких сантиметрах от воды. Для него началась мучительная агония. На крыше соседнего дома по-прежнему стояла Эмэ, прижимая к себе детей. Судорожная дрожь била ее. На ее глазах умирал муж, и она не отрывала взгляда от несчастного Сиприена, находившегося в нескольких метрах от нее. И вдруг она протяжно завывала, как собака, диким воем, исполненным ужаса.

- Нельзя же его так оставить. Умрет он, - растерянно сказал Жак. - Надо пойти туда.

- Попробуем спуститься по балкам, - предложил Пьер. - Может, мы его вызволим.

И они направились к соседним крышам; но в это время рухнул и второй дом. Путь был отрезан. Нас точно сковал леденящий холод. Мы машинально взяли за руки и сжимали их крепко, до боли, не имея сил оторвать взгляд от страшного зрелища.

Сначала Сиприен пытался приподняться. С необычайной силой он отстранился от воды, поддерживая свое туловище в наклонном положении. Но усталость взяла свое. И все же он продолжал бороться, хотел схватиться за балки, забрасывал руки в разные стороны, надеясь натолкнуться на что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Затем, обессилев, чувствуя приближение смерти, он снова упал и повис неподвижно. Смерть приближалась медленно. Вода тихо поднималась, чуть-чуть смачивала волосы, и, вероятно, он ощущал ее прохладное прикосновение к макушке горящей головы. Потом всплеснула первая волна, омочив его лоб. Другие волны закрыли ему глаза. Мы видели, как голова его медленно исчезает под водой.

Женщины, сидевшие у наших ног, закрыли лицо руками. А мы упали на колени и, простирая к небу руки, плача, бормотали мольбы. На крыше по-прежнему стояла Эмэ, крепко прижимая к себе детей, и в темноте все громче разносились ее стоны.

IV

Я не знаю, долго ли мы были в оцепенении. Когда я пришел в себя, вода поднялась еще выше. Она уже доставала до черепиц; крыша была лишь узким островком, выступавшим над необозримой поверхностью воды. Направо и налево дома, должно быть, обрушились. Море воды ширилось.

- Нас куда-то несет, - бормотала Роза, цепляясь за черепицы.

И действительно, у всех у нас было ощущение качки, как будто бы крыша превратилась в плот. Казалось, нас уносило быстрое течение. Но когда мы смотрели на церковную колокольню, неподвижно стоявшую перед нашими глазами, обманчивое впечатление исчезало; мы понимали, что находимся на одном и том же месте, среди зыби волн.

Но вот вода начала наступление. До сих пор бурное ее течение шло вдоль улицы, но обломки стен, преграждавшие путь стремнине, заставляли ее отступать. Это был настоящий штурм. Как только бревно или балка попадали в течение, оно подхватывало их и направляло на дом, как таран. И поток уже не выпускал свое оружие, отбрасывая его назад и снова швыряя в стены, раз за разом усиливая удары. Вскоре уже десять - двенадцать балок одновременно били в стены нашего дома со всех сторон. Вода ревела. Ключья пены смачивали наши ноги. Мы слышали глухие стоны затопленного дома, от глухих ударов уже трещали стены. Временами, при особо сильном прямом ударе, мы думали, что наступил конец, что стены сейчас разверзнутся и

отдадут нас во власть разъяренной реки.

Гаспар отважился спуститься к самому краю крыши. Ему удалось схватить балку, он вытянул ее своими мощными руками.

- Надо защищаться! - крикнул я.

Жак, в свою очередь, силился остановить плывший мимо длинный шест. Пьер помог ему. Я проклинал свою старость, лишившую меня былой силы, - по ее вине я был теперь слаб, как ребенок. Но защита организовалась, начался поединок трех человек и потока. Гаспар стоял с балкой наготове, подстерегая несшиеся бревна, которые стремнина превращала в снаряды, и разом останавливал их у самой стены. Иногда толчок был так силен, что Гаспар падал. Рядом с ним Жак и Пьер, маневрируя длинными шестами, отбрасывали обломки. Около часа длилась эта бесполезная борьба. Они, теряя голову и осыпая воду бранью и проклятиями, хлопали по ней изо всех сил. Гаспар рубил воду, словно живого противника в рукопашной схватке, вонзал в нее балку, как клинок сабли. А вода надвигалась со спокойным упрямством, без единой царапины, непобедимая. Наконец Жак и Пьер изнемогли и, бросив борьбу, отошли от края крыши; у Гаспара тоже силы были на исходе, он не удержал балку, - поток вырвал ее и, превратив в таран, пробил брешь в стене нашего дома. Сопротивление стало для нас невозможным.

Мария и Вероника бросились друг к другу в объятия. Обе с отчаянием, срывавшимися голосами твердили одну и ту же фразу, она и до сих пор звучит в моих ушах:

- Я не хочу умирать!.. Не хочу умирать!

Роза обняла их, пытаясь утешить, успокоить; но и сама она, дрожа от холода и ужаса, поднимала лицо к небу и кричала помимо своей воли:

- Я не хочу умирать!

Молчала только тетя Агата. Она не молилась больше, не осеняла себя крестом. Глядя вокруг дикими глазами, она старалась еще улыбаться, встретив мой взгляд.

Вода была теперь по черепицам. Надежды на спасение не было. Со стороны церкви до нас все время доносились голоса; вдали промелькнули два фонаря; и снова безмолвное непреодолимое наступление желтой водной пелены. В Сэнтене, где у многих были лодки, беда настигла людей, вероятно, раньше, чем нас.

Гаспар между тем ходил по крыше. Вдруг он позвал нас:

- Скорее!.. Помогите! Держите меня крепко.

Он снова взял шест и начал подстерегать какой-то огромный черный предмет, который медленно подплывал к дому. Это была широкая крыша сарая, сделанная из прочных досок; поток сорвал ее целиком, и она держалась на поверхности воды, как плот. Когда крыша подплыла близко, Гаспар остановил ее шестом, но он не мог устоять на месте и позвал на помощь. Мы обхватили его и держали крепко. А как только плот попал в течение, он сам стремительно помчался к нашей крыше и ударился о нее так сильно, что мы испугались, не разбился ли он.

Гаспар смело прыгнул на плот, посланный нам случаем, пробежал по нему во всех направлениях, чтобы убедиться в его прочности; а Пьер и Жак тем временем удерживали плот у крыши. Гаспар смеялся и радостно говорил:

- Дедушка, вот мы и спасены!.. Женщины, не плачьте!.. Это настоящий плот. Смотрите! Под ногами у меня сухо. Этот плот всех нас поднимет. Мы будем на нем как у себя дома!

Однако Гаспар счел необходимым его укрепить. Он пригнал шестом плывущие балки и связал их веревками, которые захватил с собой Пьер, поднимаясь на чердак. Поскользнувшись, Гаспар упал в воду, но на крик, который у нас вырвался, он снова ответил смехом. Воды он не боялся, он проплывал по Гаронне целое лье. Взобравшись опять на крышу, он отряхнулся и воскликнул:

- Ну что же, переходите на плот, не будем терять времени.

Женщины встали на колени. Гаспар перенес Веронику и Марию на середину плота и велел им сесть там. Роза и тетя Агата соскользнули сами по черепицам и устроились рядом с девушками. В эту минуту я взглянул в сторону церкви: Эмэ стояла на прежнем месте. Она прислонилась теперь к трубе и держала детей на вытянутых руках, так как вода уже доходила ей до пояса.

- Не горюйте, дедушка, - сказал Гаспар. - Мы ее заберем, обещаю вам.

Пьер и Жак спустились на плот. Спрыгнул и я. Плот немного кренился на одну сторону, но все же был достаточно прочен, чтобы нести всех нас. Последним покинул крышу Гаспар, распорядившись, чтобы мы взяли выловленные им шесты, - они должны были служить нам вместо весел. У него самого был очень длинный шест, которым он пользовался с большой ловкостью. Мы предоставили ему командовать. По его приказу мы стали отталкиваться шестами от края нашей кровли. Но мне казалось, что плот был приклеен к ней. Несмотря на все наши усилия, мы не могли от нее оторваться. При каждой новой попытке поток снова мчал нас к дому с неистовой силой. И всякий раз нам грозила смертельная опасность: ударившись о крышу, плот мог разбиться в щепки.

И вот снова мы почувствовали свою беспомощность. Мы считали себя спасенными, а все еще были во власти реки. Я даже жалел о том, что мы сняли женщин с крыши, - ведь каждую минуту разъяренный поток мог перевернуть плот. Но когда я заговорил о том, чтобы возвратиться в наше убежище, все закричали:

- Нет, нет, попытаемся еще. Уж лучше умереть здесь!

Гаспар больше не смеялся. Мы возобновили борьбу, отталкиваясь шестами с удвоенной энергией. Пьеру пришла наконец счастливая мысль: он влез на крышу и при помощи веревки повернул плот налево; ему удалось вывести нас из стремнины; затем он снова прыгнул на плот, и несколькими ударами шестов мы выбрались на середину улицы. Но Гаспар помнил о своем обещании спасти нашу бедную Эмэ, - мы все время слышали ее жалобные стенания. Чтобы подплыть к ней, надо было пересечь улицу, где несся свирепый поток, снова попасть в течение, с которым мы так долго и бесплодно боролись. Гаспар безмолвно советовался со мною взглядом. Я был в смятении, никогда еще в моей душе не возникала такая мучительная борьба. Мы рисковали жизнью восьми человек. На миг я поколебался, но я не мог сопротивляться тоскливому зову Эмэ.

- Да, да, - сказал Гаспару. - Это невозможно, нельзя нам уехать без нее.

Он без слов опустил голову и начал проталкивать плот, упираясь шестом во все сохранившиеся еще стены. Мы миновали соседний дом, проплыли над нашими затопленными сараями и службами. Но как только мы очутились на углу улицы, у нас вырвался крик. Течение снова нас подхватило и понесло к нашему дому. Нас несло с головокружительной быстротой, кружило, словно листок на воде, и вдруг крик замер у нас в горле: плот со страшной силой ударился о край черепичной крыши - и разбился. Завертелись в водовороте доски, нас сбросило в воду. Не знаю, что было потом. Помню только, что, падая, увидел в воде тетю Агату, - вздувшееся пузырем широкое платье еще держало ее на поверхности потока, но запрокинувшаяся голова уже затонула, и тело покорно погружалось в пучину.

Я очнулся от острой боли и открыл глаза, - это Пьер втащил меня за волосы на край нашей кровли. Я лежал и глядел в каком-то оцепенении. Пьер снова погрузился в воду. Голова у меня кружилась, я был как в дурмане и вдруг с удивлением увидел Гаспара на том месте, где только что был мой брат: Гаспар нес на руках Веронику. Положив ее рядом со мной, он прыгнул в воду и вытащил Марию, бледную, с восковым лицом, вытянувшуюся и неподвижную, - она мне показалась мертвой. Гаспар снова кинулся в воду, но на этот раз он искал напрасно. Рядом с ним плыл Пьер. Они разговаривали между собой, давали друг другу указания, которых я не понимал.

Как только они, измученные, поднялись опять на крышу, я закричал:

- А где тетя Агата? Где Жак? Где Роза?

Они поникли головой. Крупные слезы покатались у них из глаз. По нескольким словам я понял, что Жаку шестом проломило голову. Роза кинулась на труп своего мужа, и их унесло обоих. Тело тети Агаты все не всплывало. Мм думали, что течением его занесло через открытое окно в наш дом.

Приподнявшись, я смотрел на ту крышу, где еще несколько минут назад стояла Эмэ. Но вода все подымалась. Эмэ больше уже не выла. Я видел только две ее поднятые руки, она держала детей над водой. Затем все исчезло. Водная пелена сомкнулась, и на ней заиграл ровный свет луны.

V

Нас осталось только пятеро. Вода не залила лишь узкую полоску кровли, у самого конька. Одну из дымовых труб снесло. Вероника и Мария были в обмороке, нам пришлось приподнять их и держать почти в стоячем положении, вода уже подбиралась к их ногам. Наконец, они пришли в сознание; и, видя, как они промокли, дрожат, снова слыша их крики: "Не хочу умирать", - мы пришли в отчаяние. Мы успокаивали их, как малых детей, говорили, что они не умрут, что мы не дадим им умереть. Но они нам больше не верили, они хорошо знали, что скоро умрут. И всякий раз слово "умереть" звучало похоронным звоном, в смертельной тоске женщины жались друг к другу, от холода и страха у них стучали зубы.

Близился конец. Деревня была разрушена, затоплена, лишь кое-где виднелись обломки стен. Над водой вздымалась только уцелевшая колокольня, и лишь оттуда по-прежнему доносился гул человеческих голосов, - люди были там в безопасности. Вдали ревел стремительный поток. Мы больше не слышали даже шума обвалов, похожих по звуку на грохот опрокидываемых телег с булыжником. Мы были одиноки, беспомощны, заброшены, как на судне, потерпевшем крушение в океане, за тысячи лье от суши.

На один миг показалось, что мы слышим всплеск весел по воде, взмахи спокойные и размеренные, все более и более отчетливые. Ах! Какая музыка, вселявшая надежду! Как все мы напряглись, вопрошая пространство! Мы всматривались, затаив дыхание, но ничего не увидели. Желтая пелена с пятнами черных теней ширилась; но ничто живое не шевелилось, - эти черные тени были всего лишь верхушками затопленных деревьев и развалинами стен. Обломки, кусты, пустые бочки - вот что приняли мы за спасательные лодки; мы радостно размахивали платками, пока не убедились в своем заблуждении; и снова мы впали в тоску и отчаяние; и все время до нас доносился какой-то мерный шум, но мы не могли уловить, откуда он идет.

- Лодка! Я ее вижу! - крикнул вдруг Гаспар. - Смотрите! Вон там плывет большая лодка!

И он указал рукой на отдаленную точку.

Я ничего не видел, Пьер тоже. Но Гаспар упрямо твердил, что это лодка, - он ясно ее видит. Мы уже отчетливо слышали удары весел. А потом увидели и лодку. Она медленно скользила по воде; нам казалось, что она кружит около нас, не приближаясь. Мне вспоминается, что в эту минуту мы точно обезумели. Мы с яростью подымали руки и кричали до потери голоса. Мы поносили тех, кто был в лодке, и называли их трусами. А с лодки никто не отзывался; черная, безмолвная, она поворачивалась все медленнее. Действительно ли это была лодка? Я и до сих пор не знаю. С той минуты, как мы перестали ее видеть и подумали, что она скрылась вдали, угасла последняя наша надежда.

Теперь каждый миг мы ждали, что дом развалится и мы пойдем ко дну вместе с ним. Вода уже подмыла его, он держался, наверно, только прочностью какой-нибудь из толстых стен, а как только она обвалится, рухнет и весь дом. Но больше всего я дрожал от страха, когда чувствовал, как под нашей тяжестью прогибается крыша. Возможно, что дом мог бы продержаться всю ночь,

- лишь скатывались черепицы, когда их раскалывали и сбивали проплывавшие бревна. Мы укрылись на левой стороне, на еще прочных стропилах. Но и эти стропила, казалось, начали поддаваться. Несомненно, они провалятся, если пять человек, сбившихся в кучу, останутся на этом маленьком пространстве.

Вот уже несколько минут, как мой брат Пьер машинально теребил трубку, зажав ее в зубах. Старый солдат хмурил брови и что-то бормотал. Непрестанно возрастающая опасность, против которой все его мужество было бессильно, начинала его раздражать и выводить из терпения. Два или три раза он плюнул в воду со злобным и презрительным видом. А вода все ближе подбиралась к нам. Тогда он принял решение и спустился по крыше.

- Пьер! Пьер! - в ужасе закричал я, поняв, что он задумал.

Он обернулся и сказал мне спокойно:

- Прощай, Луи... Видишь ли, это уж слишком долго тянется. Хочу освободить вам место.

И, отшвырнув трубку, он кинулся в воду, крикнув:

- Прощайте! С меня хватит!

Больше он не появился. Пловец он был плохой. Он ушел из жизни с сердцем, разбитым нашим разорением и смертью близких, не желая их пережить.

На колокольне пробило два часа. Ночь заканчивалась. Ужасная ночь смертельной агонии и слез. Полоска крыши, еще не залитая водой, мало-помалу суживалась; мы слышали журчанье бегущей воды; ласковые струйки играючи набегали одна на другую. Течение опять изменилось; обломки несло теперь по правой стороне улицы, и они проплывали медленно, как будто вода утомилась и, прежде чем достигнуть самого своего высокого уровня, лениво отдыхала.

Вдруг Гаспар разулся и снял с себя куртку. Какую-то минуту он стоял в раздумье, протягивал руки, ломал пальцы. Отвечая на мой вопрос, он повернулся ко мне и сказал:

- Вот что, дедушка, не могу я больше оставаться тут... Отпустите меня, я ее спасу.

Он говорил о Веронике. Я пытался отговорить его. Убеждал, что у него не хватит сил доплыть с ней до церкви. Но он настаивал:

- Нет, дедушка, хватит. У меня крепкие руки; я чувствую, у меня достанет силы... Вот увидите!

И он добавил, что лучше уж сейчас попытаться спасти Веронику, что он становится слабым, как ребенок, слыша, как под ногами у нас крошится дом.

- Я люблю ее, я ее спасу, - твердил он.

Я замолчал, прижимая к груди Марию. Тогда, думая, что я упрекаю его за эгоизм влюбленного, Гаспар пробормотал:

- Я вернусь за Марией, клянусь вам. Я, конечно, найду лодку, и уж как-нибудь вызволим вас... Верьте мне, дедушка.

- Ты только не отбивайся, во всем положишься на меня, сама не двигайся, и главное - не бойся.

Девушка смотрела на нас безумными глазами и соглашалась со всем, что ей говорили. Потом Гаспар перекрестился, хотя обычно не отличался набожностью, и соскользнул с крыши, держа Веронику за веревку, которой обвязал ее под мышками. Она громко закричала, забилась в воде и, задохнувшись, потеряла сознание.

- Так будет лучше, - крикнул Гаспар из воды. - Теперь я отвечаю за нее.

Вы поймете, с каким волнением следил я за ними глазами. Я различал малейшие движения Гаспара на светлой воде. Он поддерживал девушку при помощи веревки, которую обернул вокруг собственной шеи; он плыл, вскинув свою ношу на правое плечо, и под ее тяжестью иногда на мгновение исчезал под водой, но, вынырнув, снова бросался вперед, с нечеловеческой силой разрезая волны. Я не сомневался, что Гаспар спасет свою невесту, он уже проплыл треть расстояния, как вдруг натолкнулся на стену, скрытую под водой. Удар был ужасен, оба исчезли.

Затем я увидел, как Гаспар выплыл один: должно быть, веревка оборвалась. Два раза он нырял в воду, наконец появился вместе с Вероникой. И снова вскинул ее себе на спину. Но теперь у него не было веревки, которая помогала ему поддерживать Веронику, и поэтому она еще больше, чем раньше, обременяла его. Все же он продолжал продвигаться вперед. Меня била дрожь, я с трепетом смотрел, как они приближались к церкви. Вдруг я заметил балки, плывшие наискось, хотел крикнуть: "Берегись!" - но было уже поздно. Новый удар разлучил их, и вода сомкнулась.

С этого мгновенья я точно отупел. У меня остался только животный инстинкт самосохранения, - когда вода приближалась, я отступал. Я слышал чей-то смех, но даже не обернулся посмотреть, кто это смеется рядом со мной. Занимался день, в небе широко разгоралась заря. Было хорошо, прохладно, спокойно, как на берегу пруда, где свет играет на воде еще до того, как поднимется солнце. А смех все звенел, не прекращаясь, - и, повернувшись, я увидел Марию, стоявшую в мокрой одежде. Это она смеялась.

Ах, бедная, дорогая моя девочка! Какой она была милой и красивой в этот утренний час! Я видел, как она нагнулась, зачерпнула горсточкой воды и омыла себе лицо. Затем она закрутила свои чудесные светлые волосы и завязала их узлом на затылке. Наверно, она воображала, что прихорашивается в своей маленькой комнатке, в воскресенье, когда весело звонит колокол. И она все смеялась детским, беспечным смехом, ясные ее глазки светились счастьем.

Я тоже начал смеяться, как и она, зараженный ее безумием. Она сошла с ума от ужаса, и это было милостью неба: она уже не видела перед собою смерти и радовалась весенней заре.

Я безучастно наблюдал за ее торопливыми движениями и, ничего не понимая, ласково покачивал головой. Она раздумянилась, становилась все краше. Затем, думая, что уже готова к уходу, запела духовную песню тоненьким чистым голоском. Но скоро, прервав пение, она закричала: "Иду! Сейчас иду!" - как будто ответила на зов, слышный только ей одной.

Она снова запела свою песню, сошла по скату крыши, и вода бесшумно поглотила ее. А я все улыбался и со счастливым видом смотрел на то место, где она утонула.

Что было потом, я не помню.

Я остался один на крыше. Вода поднялась еще выше, только дымовая труба возвышалась над водой. Собрав последние силы, я вскарабкался на нее, как животное, которое не хочет умирать. И больше ничего, ничего, черный провал, небытие.

VI

Почему же я еще существую? Мне сказали, что около шести часов утра из Сэнтена приплыли на лодках люди и что они нашли меня на трубе без сознания. Вода была жестока, она не унесла меня вслед за моими близкими в то время, когда я был в обмороке и не чувствовал своего горя.

Именно я, старик, заупрямился и остался жить. Погибли все мои близкие: грудные младенцы, девушки-невесты, молодые пары, старые супруги. А я уцелел, как сорная трава, жесткая и сухая, уцепившаяся корнями за камни! Если бы у меня хватило мужества, я поступил бы, как Пьер, сказал бы: "С меня хватит, прощайте!" - и бросился бы в Гаронну, чтобы пойти вслед за всеми, той же дорогой. Нет у меня больше детей, мой дом разрушен, поля мои опустошены. Где вы, счастливые вечера, когда мы все вместе сидели за столом: старшие в середине, вокруг молодые, - каждому отводилось место по возрасту! Какое веселье окружало и согревало меня! Где вы, горячие дни жатвы и сбора винограда? Мы весь день работали в поле, а к вечеру возвращались домой, гордясь богатым урожаем! Где вы, красавцы дети и цветущие виноградники, милые мои внуки и великолепные хлеба? Где вы, мои близкие, радость моей старости, живое вознаграждение за всю долгую жизнь? Все погибло! Боже мой, зачем же я-то остался в живых?

Нет для меня утешения. Не нужна мне помощь. Я отдам свои поля односельчанам, у

которых живы дети. Пусть они очистят землю от обломков и обработают ее заново. А мне ничего не надо. Когда нет больше детей, хватит и угла, чтобы умереть в нем.

У меня было одно-единственное желание, последнее желание: мне хотелось разыскать тела утонувших и похоронить моих близких всех вместе, под одной плитой на нашем кладбище, чтобы я мог приходить к ним на могилку. Рассказывали, что около Тулузы выловили много трупов, принесенных течением. Я решил попытаться и поехал туда.

Какой жуткий разгром! Обрушилось около двух тысяч домов; утонуло семьсот человек; снесло все мосты; опустело целое предместье, затопленное жидкой грязью; страшные драмы, двадцать тысяч погибающих от голода, полуголодных бедняков. Трупы распространяли зловоние, население в городе трепетало: боялись, что людей начнет косить тиф. И везде была скорбь, по улицам двигались похоронные процессии, милостыня благотворителей бессильна была исцелить раны. Но я шел среди развалин, ничего не видя. У меня были свои развалины, у меня были свои умершие, их гибель подавляла меня.

Мне сказали, что и правда выловлено много трупов. Они уже похоронены длинными рядами в одном углу кладбища. Позаботились о том, чтобы сфотографировать неопознанных. И вот среди этих страшных портретов я нашел Гаспара и Веронику. Обрученные не разлучились и в смерти, они обнялись, прильнув друг к другу в прощальном поцелуе, обнялись так крепко, что пришлось бы отрубить им руки, чтобы их разъединить. Так их и сфотографировали вместе, и вместе они покоились в могиле.

У меня сохранилось только это ужасное изображение - два юных красивых существа, обезображенные, раздувшиеся в воде, но на их бледных застывших лицах навеки запечатлелся героизм нежной любви. Я смотрю на них и плачу.